

себя, а графиня выживала ихъ изъ дому. Сшилъ Толстой пару сапогъ— дѣло повидимому полезное,— и стало ему тошно, когда узналъ, что одинъ изъ его поклонниковъ хранить у себя эти сапоги въ стеклянномъ ковчегѣ. Правительство относилось къ нему очень добродушно и снисходительно; но дѣло требуетъ порядка, и разъ какъ-то Толстой былъ вызванъ въ судъ свидѣтелемъ по дѣлу. Дѣвица Серонъ, жившая гувернанткой въ Ясной Полянѣ, рассказываетъ, что Толстой явился въ судъ въ тулупѣ, выложилъ на столъ свертокъ рублей, сказавъ: «вы не можете меня принудить принять присягу,— вотъ вамъ мой штрафъ», и вышелъ вонъ.

Эта же дѣвица рассказываетъ, что жалость было смотрѣть на бѣднаго пророка, когда онъ пытался бросить куренье.

«Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, точно не находилъ себѣ мѣста. То зажжетъ папироску и броситъ ее, то пробуетъ вдыхать дымъ, когда закурятъ другіе. На послѣдокъ все таки не въ силахъ былъ совѣмъ бросить привычку—вѣдь это успокоивало ему нервы. Напрасно люди думаютъ, будто Толстой аскетъ въ строгомъ смыслѣ слова».

Лже-Толстой говоритъ, что литература—порочное дѣло; а подлинный Толстой точно одер-